

ОДНО
ТЕЛО.
ДВА
ВРЕМЕНИ.

ЧУЖАЯ
ЖИЗНЬ
СВОИ
ВЫБОРЫ

ФОРМА ВРАГА

Деханов Андрей

Андрей Деханов

Форма врага

<https://litres.ru/74616582>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна, программист из Москвы, попадает в аварию на самокате — и приходит в себя в 1943 году, в теле немки Лизель, связистки при нацистском штабе. Она думает по-русски, но говорит по-немецки. Она хочет помочь нашим, но для всех вокруг она — враг. И для немцев и для своих.

А в это же время в современной Москве в теле Анны просыпается Лизель. Немка, которая верила в Третий рейх, оказывается в мире, где всё, за что она воевала, давно превратилось в прах.

Две девушки. Две эпохи. Два тела, которые им не принадлежат.

Содержание

Глава 1. Анна	4
Глава 2. Лизель	9
Глава 3. Штаб (Анна)	13
Глава 4. Ночь (Анна)	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Деханов

Форма врага

Глава 1. Анна

Утро Анны Ковалёвой началось с кофе. Точнее, с попытки его сделать. Кофемашина снова выдала ошибку. Анна ткнула в кнопку. Раз. Два. Три. Машина загудела, но вместо эспresso выдала какую-то бурую жижу.

— Ну и ладно, — сказала Анна вслух. — Всё равно опаздываю.

Она схватила рюкзак, телефон, наушники. Выскочила из квартиры. Лифт, как назло, стоял на девятом. Анна побежала по лестнице. Пять этажей. Нормально. Успеет.

На улице было тепло. Май. Москва. Всё цвело. Люди шли на работу. Кто-то с кофе, кто-то с собакой, кто-то с ребёнком. Обычное утро. Обычный день.

Анна взяла самокат. Приложила телефон. Он пикнул, и она поехала.

Ветер в лицо. Музыка в ушах. Анна думала о коде. О баге, который не могла найти вчера. О том, что сегодня надо закончить код. О том, что вечером — созвон с командой. Обычные утренние мысли.

Она не заметила, как выехала на перекрёсток и не заме-

тила грузовик.

Она заметила только удар. Резкий. Громкий. Боль. И — темнота.

—

Свет. Яркий. Режет глаза.

Анна не хочет открывать глаза. Голова гудит. В ушах — звон. Как будто рядом работает отбойный молоток. Или — как будто она в эпицентре взрыва.

Стоп. Взрыва?

Анна открыла глаза. Небо. Серое. В дыму. Пахнет гарью. Пылью. Чем-то ещё. Чем-то металлическим. Кровью?

Анна пытается сесть. Тело не слушается. Оно тяжёлое. Чужое. Она смотрит на руки. Это не её руки — моложе, ухоженнее, с маникюром. Анна никогда не делала маникюр. Некогда. И дорого!

— Liesel! Liesel! Bist du okay?

Она поднимает голову. Над ней — лицо. Молодой парень. В серой форме. Он что-то говорит. Быстро.

Но она понимает.

«Liesel» — это ее имя. «Bist du okay?» — «Ты в порядке?» — Ja... — говорит Анна. — Ich... ich glaube, ja.

«Ja» — да. «Ich glaube, ja» — я думаю, да. Откуда я это знаю?

Стоп. Что она сейчас сказала? Она говорит по-немецки? Она же не знает немецкого!

Но слова уже сказаны. Парень кивает. Помогает ей встать.

Анна стоит. Ноги чужие. Тело чужое. Всё чужое.

— Du hast Glück gehabt, — говорит он. — Die Bombe ist ganz nah explodiert.

«Du hast Glück gehabt» — тебе повезло. «Die Bombe ist ganz nah explodiert» — бомба взорвалась совсем рядом.

Анна кивает. Она понимает. Каждое слово. Но не хочет понимать.

— Komm, wir müssen gehen. Der Hauptmann wartet.

«Komm» — идём. «Wir müssen gehen» — мы должны идти. «Der Hauptmann wartet» — капитан ждёт.

Он берёт её за руку. Анна идёт. Как будто это нормально. Как будто она всегда здесь была.

А внутри — крик. Она не Лизель! Она — Анна! Она не немка!

Но тело идёт. Тело улыбается. Тело благодарит.

Тело — предатель.

—

Её ведут через развалины. Анна не понимает, где она. Город? Деревня? Всё в дыму. Всё в пыли. Кирпичи, щепки, куски чего-то. Она старается не смотреть под ноги. Потому что там — что-то, что она не хочет видеть.

Парень что-то говорит. Анна не слушает. Она смотрит на своё тело. На форму. На руки. На ноги. Всё чужое. Всё не её.

Она пытается вспомнить. Что было? Самокат. Грузовик. Удар. Темнота. А потом — это. Война? Немцы? Лизель?

Лизель. Это её имя. Лизель Шнайдер. Анна знает это. От-

куда? Тело помнит.

Она пытается вспомнить что-то ещё. Что-то из жизни Лизель. Но в голове — пусто. Только имя. Только возраст — двадцать три. Связистка. Где-то в штабе. Где-то здесь.

— Liesel, du bist so still. Alles in Ordnung?

«Du bist so still» — ты такая тихая. «Alles in Ordnung?» — всё в порядке?

Анна вздрагивает. Парень смотрит на неё. С беспокойством.

— Ja, — говорит она. — Nur... der Kopf. Es tut weh.

«Nur der Kopf» — только голова. «Es tut weh» — болит.

— Wir sind gleich da. Der Arzt wird dich untersuchen.

«Wir sind gleich da» — мы почти на месте. «Der Arzt wird dich untersuchen» — врач тебя осмотрит.

Врач. Хорошо. Врач — это хорошо. Может, он скажет, что с ней. Может, он найдёт способ вернуть её назад.

Анна почти смеётся. Вернуть назад. Как? Как можно вернуть назад то, что уже случилось?

Они подходят к зданию. Обычное здание. Кирпичное. Трёхэтажное. Вокруг — машины. Мотоциклы. Люди в форме. Все смотрят на Анну. Кто-то кивает. Кто-то улыбается. Кто-то что-то говорит.

Анна не понимает, но тело кивает в ответ и улыбается. Тело говорит: «Danke, mir geht es gut».

«Danke» — спасибо. «Mir geht es gut» — у меня всё хорошо.

Анна хочет кричать. Она хочет сказать: «Я не Лизель! Я — Анна! Я — русская! Я — из Москвы! Я — из будущего!»

Но она молчит. Потому что знает: если скажет — ей не поверят или отправят в лагерь, а то и психушку.

Она молчит и играет свою роль. Она — Лизель. Пока...

Они входят в здание. Внутри — прохладно. Пахнет бумагой. Чернилами. Кофе. Обычный офис. Только — с немцами, с оружием. с картами на стенах.

— Liesel! Gott sei Dank!

«Gott sei Dank» — слава Богу.

К Анне подбегает девушка. Тоже в форме. Блондинка. Хорошенькая. Она обнимает Анну. Крепко. Как будто она — её лучшая подруга.

— Я так боялась! — когда упала бомба, я уже думала...

Она замолкает. Смотрит на Анну. Внимательно.

— Ты выглядишь бледной. Я принесу тебе воды.

Она уходит. Анна садится на стул. Смотрит на свои руки. На маникюр, на форму, на часы. Часы — немецкие. На циферблате — свастика.

Анна смотрит на свастику. И понимает: это не сон. Это — реальность. Она — в теле немки. В нацистской Германии.

Она — враг. Для и для своих и для немцев...

Анна закрывает глаза. И думает: «Что мне делать? Как вернуться? Как выжить?»

И где-то далеко — где-то в другом времени — другая девушка открывает глаза. В теле Анны, в Москве, в её жизни...

Глава 2. Лизель

Боль. Резкая. Громкая. Как будто что-то взорвалось внутри головы. Лизель не хочет открывать глаза. Она хочет остаться в темноте. В темноте — тихо. В темноте — спокойно. В темноте — нет войны.

Но кто-то трясёт её за плечо. Кто-то говорит. По-русски. Она понимает! Странно...

— Девушка! Девушка! Вы меня слышите?

Лизель открывает глаза. Свет. Белый. Яркий. Режет. Она жмурится. Потом снова открывает.

Над ней — лицо. Мужчина. В белом халате. Очки, борода. Он смотрит на неё с тревогой.

— Вы меня слышите? — повторяет он. — Как вас зовут?

Лизель хочет сказать: «Лизель. Лизель Шнайдер». Но рот открывается сам. И говорит:

— Аня... Анна Ковалёва.

Стоп. Что? Почему она сказала это? Она не знает никакой Анны!

«Как вас зовут?» — это фраза была по-русски. «Анна Ковалёва» — это её имя... Откуда я это знаю?

— Анна, вы попали в аварию, — говорит мужчина. — Вы на электросамокате столкнулись с грузовиком. Вас привезли в больницу. Вы понимаете, где вы?

«Авария» — значит, что-то случилось... «Электросамокат» — не знаю, что это?

Лизель смотрит на него. Она не знает этих слов. Но она их понимает. Как будто они всегда были в ней.

— Где я? — спрашивает она. Голос чужой. Моложе. Мягче. Без немецкого акцента.

— Вы в Москве. В больнице. Всё будет хорошо. Вы живы — и это главное.

Москва... Больница... Она — в Москве! Она — в России! Она — среди врагов!

Лизель пытается сесть. Тело не слушается. Оно слабое. Чужое. Она смотрит на руки. На ноги. На всё. Это не её тело. Это тело какой-то русской девушки. Анны. Ковалёвой.

— У вас была травма головы, — говорит врач. — Возможна частичная амнезия. Вы помните, что произошло?

Лизель молчит... Она помнит войну. Она помнит бомбёжку. Она помнит, как летела земля. Она помнит, как всё стало чёрным, а потом — это.

— Нет, — говорит она. — Я ничего не помню.

Надо пока лгать. Правду — она сказать не может! Правду никто не поймёт! За правду её убьют!

— Это нормально, — говорит врач. — Память может вернуться. Или — не вернуться... Главное — вы живы! Отдыхайте... Я приду позже.

Он уходит. Лизель остаётся одна. В палате. Белые стены. Белый потолок. Окно. За окном — город. Большой, шумный,

незнакомый...

Лизель решила глянуть в окно. Машины. Много машин. Она никогда не видела столько машин. Они блестящие. Разные. Они едут. Быстро — почти бесшумно.

Что это за машины? Почему они такие странные?!

Люди. Много людей. Они идут. Смотрят в маленькие корбочки. Говорят по ним. Улыбаются, смеются. Никто не в форме. Никто не боится. Никто не ждёт бомбёжки!

Что это за мир? Где я?

Лизель закрывает глаза. Она пытается вспомнить. Германию. Дом. Маму. Папу. Войну. Как она попала сюда? Что случилось?

Она помнит бомбёжку. Она помнит, как всё рушилось. Она помнит, как её отбросило. Она помнит боль. А потом — темнота.

Она открывает глаза и смотрит на свои руки. Это не её руки. Это руки Анны. Она — в теле Анны.

Как это возможно? Как я попала сюда? Где моё тело? Где я? Что это за место?

Она слышит голоса. За дверью. Кто-то говорит. По-русски. Она понимает. Она понимает этот язык! Она никогда его не учила! Но она понимает.

— ...она была без сознания. Мы уточнили данные. Пострадавшая — Анна Ковалёва. Двадцать шесть лет. Программист. Живёт одна. Родители — в другом городе. Мы позвонили. Они приедут.

«Программист» — не знаю, что это. «Живёт одна» — это хорошо в ее положении. «Родители приедут» — а вот это уже совсем плохо! Что я им скажу? Надо говорить — что ничего не помню!

Лизель чувствует, как что-то сжимается в груди. Страх. Паника. Она не хочет быть здесь. Она хочет домой. В Германию. К своим. К тем, кого она знает. К тем, кого она любит.

Но она не знает, как вернуться. Она не знает, что произошло. Она не знает, что делать.

Она смотрит в окно. На этот странный мир. На этот чужой город. На эту чужую жизнь.

— «Где ты, Анна? Где ты сейчас? В моём теле? В моей Германии? Среди моих людей?»

Она закрывает глаза. И впервые за долгое время — плачет.

Глава 3. Штаб (Анна)

Девушка вернулась с водой. Простой стакан. Стеклянный. Анна взяла его. Руки дрожали. Она сделала глоток. Вода была тёплая, безвкусная. Но это было лучшее, что она пробовала за последние... сколько? Час? День? Она не знала.

— Спасибо, — сказала Анна.

И снова удивилась тому, что говорит на немецком. Но теперь это было привычнее. Как будто так и надо.

Девушка села рядом. Наклонилась. Смотрела внимательно. С тревогой.

— Лизель, ты выглядишь бледной. Может, тебе стоит сходить к врачу?

Анна кивнула. Врач. Да. Врач — это хорошо. Врач — это безопасно. Врач не задаёт вопросов о войне. Врач задаёт вопросы о здоровье. О здоровье она может говорить.

— Да, — сказала она. — Может быть.

Девушка улыбнулась. Облегчённо. Как будто Анна сказала что-то важное.

— Меня, кстати, зовут Грета. Мы знакомы уже три месяца. Но я знаю, что после бомбы, возможно ты ничего не помнишь.

Анна смотрела на неё. Грета — блондинка. Хорошенькая. Голубые глаза, веснушки. Она говорила быстро. Слишком быстро. Но Анна понимала. Каждое слово. Это было странно

и это было страшно.

— Я... я помню не всё, — сказала Анна. — Голова...

— Да, да, конечно. Врач это объяснит. Но не волнуйся. Мы тебе поможем. Мы же команда!

Команда. Анна почти усмехнулась. Команда. Она — в команде немцев. Она — часть команды. Команды врагов.

Грета встала. Протянула руку.

— Идём. Я отведу тебя к врачу. Капитан Гауптман уже спрашивал, как ты.

Анна вздрогнула. Капитан — это начальство, это опасно! Капитан может задавать вопросы...

Она встала. Ноги дрожали. Но тело держало и знало как улыбаться.

Они вышли из комнаты. Коридор. Длинный. Узкий. Лампы на потолке. Тусклые. Пахло бумагой. Чернилами. Табаком.

Навстречу шли люди. В форме. Мужчины. Женщины. Кто-то кивал Грете. Кто-то смотрел на Анну. С любопытством. С беспокойством. С чем-то ещё.

— Лизель! Ты вернулась? Слава Богу!

Анна кивнула. Улыбнулась. Как будто знала этого человека. Как будто помнила его. Она не помнила. Но тело знало, как реагировать.

Улыбайся. Кивай. Не говори много. Пусть тело работает.

Они дошли до кабинета. Дверь. Простая. Деревянная. Грета постучала.

— Войдите!

Грета открыла дверь. Пропустила Анну вперёд.

Кабинет был маленький. Стол. Стул. Шкаф с бумагами. Окно. За окном — серое небо. Врач — мужчина лет пятидесяти. В очках. В белом халате поверх формы. Он поднял голову. Посмотрел на Анну.

— Лизель Шнайдер. Я уже слышал. Бомба. Тебе повезло.

— Да, — сказала Анна. — Я... я помню не всё.

Врач кивнул. Встал. Подошёл. Взял её за подбородок. Повернул голову. Посмотрел в глаза. В зрачки. Анна замерла. Что он ищет? Что он видит? Может, он видит, что она — не Лизель? Может, он понимает?

— Твои зрачки реагируют нормально, — сказал он. — Нет сотрясения. Только шок. Тебе нужен покой.

Он отпустил её. Сел обратно за стол. Взял ручку. Что-то записал в бумагах.

— Завтра можешь снова работать. Но сегодня — отдыхай. И если что-то будет нужно — приходи.

Работать. Завтра. Анна сглотнула. Завтра она должна работать. С немцами.

— Спасибо, — сказала она. — Я... я отдохну.

Врач кивнул. Грета взяла Анну за руку. Вывела из кабинета.

— Видишь? Всё хорошо. Ты здорова. Завтра работаешь. И всё будет, как раньше.

Как раньше. Анна почти рассмеялась. Как раньше. Рань-

ше она была в Москве. Раньше она была программистом. Раньше она была Анной Ковалёвой. А теперь — она Лизель Шнайдер. Связистка. Немка. В 1943 году.

— Да, — сказала она. — Как раньше.

Грета улыбнулась. Обняла её. Крепко. Как подругу.

— Я так рада, что ты жива. Я не знаю, что бы я делала без тебя.

Анна молчала. Она не знала, что сказать. Она не знала, что чувствовать. Грета была немкой. Грета была врагом. Но Грета была живым человеком. Грета боялась и радовалась. Грета любила свою подругу. Свою подругу Лизель. Которая теперь была Анной.

— Спасибо, Грета. Я... я тоже рада!

Она не была рада. Она была в ужасе. Но тело улыбалось. Тело обнимало Грету в ответ. Тело вело себя как Лизель. И Анна позволила ему. Потому что иначе — нельзя. Иначе — разоблачение. Иначе — смерть.

Они пошли в казарму. Комната. Небольшая. Две кровати. Тумбочки. Шкаф. Окно. Вид на разрушенный город. Грета жила здесь. И Лизель жила здесь. Теперь и Анна жила здесь.

— Отдыхай. Я принесу тебе позже поесть.

Анна кивнула. Села на кровать. Кровать была жёсткая. Одеяло — серое. Подушка — тонкая. Она легла. Закрыла глаза.

Грета ушла. Дверь закрылась. Тишина. Только где-то далеко — гул машин. Или — гул войны. Анна не знала.

Она лежала, смотрела в потолок. Потолок был белый. С трещинами. Она считала трещины. Одну. Две. Три. Четыре.

Что мне делать? Как вернуться? Как выжить?

Ответа не было. Только трещины на потолке. Только тишина. Только чужое тело. Чужое имя. Чужая жизнь.

Анна закрыла глаза. И впервые за этот день — заплакала. Тихо. Чтобы никто не слышал. Чтобы никто не видел. Чтобы никто не понял.

Глава 4. Ночь (Анна)

Ночь была длинной. Самой длинной в жизни Ани. Хотя, если подумать, это была не её жизнь. А Анна была просто... гостем. Непрошеным. Нежданным. Случайным.

Она лежала на кровати. Смотрела в потолок на трещины. Она уже знала их наизусть.

Грета спала на соседней кровати. Дышала ровно. Спокойно. Как будто ничего не случилось. Как будто вчера не было бомбёжки. Как будто — это очередной обычный день.

Анна завидовала. Она тоже хотела спать. Просто закрыть глаза. И проснуться. В Москве. В своей квартире. В своём теле. В своём времени. Но она знала — не проснётся. Это — реальность. Жёсткая. Холодная. Чужая.

Она повернулась на бок. Одеяло было колючим. Подушка — тонкой. Кровать — жёсткой. Всё было не так. Всё было чужим. Даже воздух. Он пах чем-то другим. Не Москвой. Не выхлопными газами. Не кофе. Не духами. Он пах войной. Пылью. Гарью. Страхом.

Анна закрыла глаза. Попыталась вспомнить. Свою квартиру. Свою кофемашину. Свой самокат. Свою работу. Свой ноутбук. Свою жизнь.

Она вспомнила. Утро. Кофе. Ошибка на экране. Самокат. Ветер. Музыка. Грузовик.

А потом — темнота.

А потом — это.

Она открыла глаза. Потолок. Трещины. Всё то же. Она не в Москве. Она — здесь. В 1943 году. В теле немки. В казарме. С Гретой. С врагами. С чужими.

Что мне делать?

Этот вопрос она задавала себе сотый раз. И сотый раз не находила ответа.

Как вернуться?

Ответа не было.

Как выжить?

Ответ был. Простой. Очевидный. Страшный.

Играть. Играть роль. Быть Лизель. Не выделяться. Не задавать вопросов. Не делать глупостей. Просто выживать.

Анна сглотнула. В горле было сухо. Она хотела пить. Но воды не было. Вода была у Греты. Или — где-то ещё. Она не знала. Она не хотела вставать. Не хотела идти. Не хотела ничего.

Она лежала. Смотрела в потолок. Думала.

Кто такая Лизель Шнайдер?

Она знала немного... Имя, возраст, должность — связистка при штабе. Где-то в этом городе. Где-то на этой войне.

Что она делала? С кем дружила? Кого любила? Чего боялась? О чём мечтала?

Может, я могу у кого-то спросить?

Она почти усмехнулась. Спросить. У кого? У Греты? У врача? У капитана? «Извините, я тут вселилась в тело вашей

связистки. Не подскажите, кто она была?»

Бред. Смертельный бред.

Анна повернулась на другой бок. Грета всё ещё спала. Тихо. Спокойно. Ей снилось что-то хорошее. Может, дом. Может, любовь. Анна не знала и не хотела знать.

Она закрыла глаза. Попыталась уснуть. Не получилось. Мысли лезли в голову. Одна за другой. Как баги в коде. Как ошибки в программе. Как сбои в системе.

А что, если меня раскроют?

Эта мысль была самой страшной. Она приходила снова и снова. И каждый раз — с новой силой.

Что, если я скажу что-то не то? Что, если я сделаю что-то не так? Что, если кто-то поймёт?

Что тогда? Тогда — смерть или лагерь, пытки, допросы? Анна не знала, что хуже. Она не хотела думать. Но все равно думала.

Я должна быть осторожной. Очень осторожной. Я должна молчать. Больше слушать. Меньше говорить. Наблюдать. Запоминать. Учиться.

Я справлюсь. Я — программист. Я умею решать задачи. Это — просто ещё одна задача. Сложная. Опасная. Но решаемая.

Она почти поверила. Почти.

Только бы не сойти с ума. Только бы не сломаться. Только бы выжить.

Где-то далеко — за окном — что-то грохнуло. Где-то

близко — за стеной — кто-то застонал. Где-то внутри — в груди — что-то сжалось.

Война. Она была везде. В воздухе. В звуках. В запахах. В мыслях.

Анна закрыла глаза. И наконец — уснула. Тяжело. Без снов. Просто — провалилась в темноту. Как в аварии. Как тогда.

—

Утро началось с крика. Голос. Мужской. Громкий. Резкий. Команда.

Анна открыла глаза. Свет. Серый. Утренний. Грета уже встала. Одевалась. Быстро. Ловко. Как будто делала это тысячу раз. Как будто это — норма.

— Лизель, вставай! Через двадцать минут — построение!

Анна села. Голова гудела. Тело болело. Всё болело. Как будто её действительно отбросило взрывом. Как будто это было вчера. Потому что это и было вчера.

— Я... я иду, — сказала она.

Грета обернулась. Улыбнулась.

— Ты как? Голова?

— Нормально. Почти.

— Хорошо. Одевайся. Форма в шкафу. Я подожду.

Анна встала. Ноги держали. Хорошо. Она подошла к шкафу. Открыла. Форма. Серая. Аккуратная. Чистая. Она посмотрела на неё. Смотрела долго. Как на что-то чужое. Как на что-то опасное. Как на что-то, что нельзя надевать.

Но надо. Она знала. Надо.

Она оделась. Медленно. Неуклюже. Тело помогало. Тело знало, как застёгивать пуговицы. Как поправлять воротник. Как затягивать ремень. Тело знало, и Анна позволила.

Грета оглядела её. Критически. Потом кивнула.

— Хорошо. Идём.

Они вышли. Коридор. Люди. Много людей. Все в форме. Все куда-то шли. Все знали, куда идут. Анна не знала. Но шла. Вместе со всеми. Как будто знала. Как будто была своей.

Построение было на улице. Во дворе. Серое небо. Серые лица. Серые шинели. Все стояли. Ровно. Молча. Ждали.

Перед строем ходил мужчина. Высокий. Худой. Лет сорока. В форме. С планками на груди. С холодными глазами. Гауптман. Капитан. Начальство.

Он говорил. Громко. Чётко. По-немецки. Анна понимала. Каждое слово. Это было странно. Это было страшно.

— Вчерашняя бомбёжка — дело рук разведанных партизан. Мы найдём их. Мы уничтожим их. Мы не позволим им сорвать наши планы. Каждый из нас должен быть начеку. Каждый из нас должен быть готов. Мы — сильны.

Анна слушала. Кивала. Как все.

Партизаны. Это наши! Это советские!

Она сглотнула. В горле снова было сухо.

— Лизель Шнайдер!

Она вздрогнула. Капитан смотрел на неё. Прямо. В упор.

Она замерла.

— Я слышал, ты пострадала вчера. Ты готова работать?
Анна кивнула. Быстро. Может, слишком быстро.

— Да, господин гауптман. Я готова.

Капитан смотрел на неё. Долго. Слишком долго. Анна не дышала. Что он видит? Что он думает? Что он знает?

— Хорошо. После построения — зайди ко мне. Есть задание.

Он отвернулся. Пошёл дальше. Анна выдохнула. Сердце колотилось. Руки дрожали. Но тело стояло. Ровно. Спокойно. Как будто ничего не случилось.

Грета рядом шепнула:

— Видишь? Всё нормально. Он тебя ценит. Ты — лучшая связистка в штабе.

Лучшая связистка. Анна почти рассмеялась. Она — программист.

— Да, — сказала она. — Нормально.

Построение закончилось. Все разошлись. Грета пошла в столовую. Анна — к капитану.

Она шла по коридору. Медленно. Ноги тяжёлые. Мысли — тяжёлые. Всё — тяжёлое.

Что он хочет? Что за задание? Что мне делать?

Она не знала. Но шла. Потому что надо. Потому что иначе — нельзя.

Она постучала. Дверь. Простая. Деревянная.

— Войдите.

Она вошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.